

В.М.Кошкин

БОРИС МАРКОВИЧ КРАСОВИЦКИЙ – ЛЮБЯЩИЙ ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Мы работали рядом в Институте монокристаллов шестнадцать лет. И двадцать шесть лет, которые я провел уже вне стен этого родного нам обоим института, мы продолжали общаться. Так что стаж моего знакомства с БМ – четыре десятка лет.

Мы не были друзьями. Все-таки Борис Маркович старше меня на двадцать лет. Мы всегда симпатизировали друг другу. Должен сказать, что моя симпатия к Б.М. была окрашена еще и моим восхищением этой личностью.

Мы даже не были коллегами по профессии. Более близкие ему по профессии люди напишут несомненно лучше о конкретных делах, которые составили всемирную его известность как ученого.

И все-таки я решусь характеризовать роль профессора Красовицкого в той огромной области современной науки о конденсированных телах, которая оформилась в отдельную дисциплину, как ни странно, совсем недавно, в восьмидесятых годах прошедшего века и стала называться материаловедением.

Другое название материаловедения – физика и химия конденсированного состояния. Этот (более длинный) вариант названия отражает сущность материаловедения – отрасли науки, новой науки. Это не физическая химия, смыслом которой является применение физических методов к исследованию химических веществ и явлений. Это и не химическая физика, смысл которой – применение физических моделей для понимания и интерпретации химических проблем, главным образом, кинетических. Материаловедение – это сочетание в едином смысловом контексте химии и физики. В материаловедении эти две области фундаментальной науки не просто переплетаются – они стали единым целым. Задача физика (и его вдохновение) – обнаружить, найти, предсказать новое явление, которое было до сих пор неизвестно. Задача и вдохновение химика (как я понимаю) – обнаружить, найти, предсказать новое вещество. Конечно, это не может служить определением физики и химии как области науки или исчерпывать психологические мотивы ученых, работающих в этих областях. Материаловедение как отдельная наука внесло новую психологическую компоненту: материаловед – это и физик и химик – в одной голове. Он отыскивает новое явление в каком-то веществе – в качестве физика и находит (уже как химик) новые вещества, в которых обнаруженный эффект проявляется с наибольшей силой.

Три четверти 20-ого века Харьков был столицей физики в Украине. И одной из признанных мировых столиц физики. В СССР это были Ленинград, Москва и Харьков, позднее еще Новосибирск. Огромное количество ярких имен дали харьковские школы физиков.

Харьков не был в числе химических столиц, но несколько имен, которые этот город оставил в истории химической науки – имена высочайшего ранга: Бекетов, Щукарев, Измайлов...

В этом ряду посмертной славы и Борис Маркович Красовицкий. Он – один из создателей науки об органических люминофорах. С его именем эта наука – навсегда. Ее мог создать только химик, понимающий что и как надо увязать в молекулярных группах, чтобы получился эффект переноса возбуждения электронов. Эту науку мог создать только физик, тончайше понимающий, что определяет времена высвечивания электронных возбуждений молекул. Эту науку мог создать только химик, умеющий сконструировать такие молекулы. Наука, конечно, – плод работы коллективов научных работников. Но идеи, все-таки, рождают не коллективы, а личности.

Профессор Красовицкий в начале шестидесятых годов предвосхитил общую методологию материаловедения, конструирования веществ: сочетание в одном интеллекте пониманий химика и физика. Борис Маркович был ученым-универсалом. Таких в наше прагматичное время осталось очень мало. И с каждым годом – все меньше. Уход Бориса Марковича – не только потеря для его близких и его друзей. Потеря этого выдающегося интеллекта – потеря для общества.

Когда даже выдающийся человек уходит из жизни после девяноста – чаще всего вспоминают результаты, полученные им во времена «его расцвета». Поразительно: у Б.М. научный расцвет был постоянным. Как спутник, он всегда находился на постоянной высоте, очень высоко – так что можно было выверять себя по этой яркой точке на небосводе. Я общался с Б.М. за месяц перед его кончиной. Это был тот же интеллект, с которым я познакомился сорок лет назад.

Когда человек уходит из жизни после девяноста – очень немногих людей остается из его прошлого, чтобы проводить в последний путь. Проводы Б.М. были массовыми. Он оставил после себя учеников, которые его помнят и которые верны его памяти. Он оставил после себя благодарную память многих и многих, которым он помог в разных обстоятельствах их жизни. Прочли у гроба длинный список ученых из разных стран – с выражением скорби. Это – выражение признания именно научных заслуг профессора Б.М.Красовицкого, ученого мирового уровня.

Лично для меня Б.М. был одним из немногих моральных эталонов. Шестидесятые и семидесятые годы – совсем не лучшее время для свободы в нашей стране. Б.М. был членом партии. Но – с военных времен. Тогда вступали в партию совсем не для карьеры. Я знал многих коммунистов – из того времени. Это, в своем большинстве, чистые люди. Я помню выступления Б.М. на ученых советах в Институте монокристаллов: у него хватало мужества противопоставлять свое мнение установкам партократии: это было редким в те времена. Значение именно личности Б.М. в Институте монокристаллов было на одном уровне с его научным значением. Имя Б.М. наряду с именами еще нескольких ученых олицетворяло Институт монокристаллов – и в СССР и в мире. В первый раз (в 1989 году) меня «выпустили» за рубеж (в ГДР, в Хемниц, тогда – Карл-Маркс-штадт) на конференцию по органическим полупроводникам. Первое, что я услышал, после того, как сообщил, что я работал в Харьковском институте монокристаллов: «Приедет ли профессор Красовицкий?» ...

Уже не приедет он в Хемниц. Он останется с нами со всеми – и в Харькове, и в Хемнице, и в Москве, и в Ростове, и в Нью-Йорке...